

Южный край. Харьков, 1912. 12 сентября. № 10980. С. 4.

Календарь литературы.

«Этюды о русских писателях» К. И. Арабакина.

Издательством «Прометей» выпущена хорошая, важная и интересная книга К. Арабакина—«Этюды о русских писателях», материалом для которой послужили многочасовые публичные лекции автора.

Главные достоинства К. Арабакина, это умная трезвость, всесторонний и обстоятельный охват избранной темы, молчаливая самостоятельность и притом сжатое образное изложение, в котором все выводы автора ярко подчеркнуты и твердо поставлены.

У него мы почти не найдем пафоса, потому, что пафос хотя и красив, но часто грешит против истины; не найдем и хотя бы случайного, бессознательного подчинения авторитетам даже в вопросах, неоднократно трактовавшихся другими.

Умная трезвость и делает его книгу интересной.

Тысяча и одна книга написаны о Толстом, но что такое, в большинстве случаев, эти книги, именно и распространенные, среди читателей?

Все они равно восторженны, равно хвалебны, равно слепы. Выработался определенный шаблон восторга, определенный запас этикетов.

Содержание одной книги уже определяет содержание другой, и живой подлинный образ писателя совершенно скрылся за этими популярными плакатами слепых, шаблонных определений.

Критические книги о Толстом давно перестали быть критикой.

Достоинство центральной статьи Арабакина: «Л. Н. Толстой» (как личность, художник и мыслитель), в том и заключается, что она свободна от этого недостатка. В сжатом и выпуклом обзоре жизни писателя автор не смущается omitать то, что другие старательно замалчиваются. Мы видим, что Толстой в первой половине своей жизни, удивительно мало читал, больше двух десятков книг и не насчитал; что от либерально интеллигентских кружков он держался в стороне, был капризен, рывок, раздражителен, почти нетерпим, что в конце концов и ознаменовалось известной историей с Тургеневым; что его педагогическая деятельность, с положенным в основу ее анархическим принципом, являлась своего рода барской затеей, хотя и содержала здоровое зерно: отрицательное отношение к наказанию и к запыту самостоятельности.

Эта же трезвость спасает автора и от других шаблонных утверждений.

Тысяча и одна книга говорят о переломе в жизни Толстого, центром которого является «Исповедь». Критика и история ужасно любят всяческие переломы, разделения и периоды.

Без книг они точно не могут охарактеризовать личность. Это своего рода тѣлѣтки, по которым рисуют молодые художники.

Еще недавно, в своей статье «Разрушающий и создающий мир» Л. Шестов буквально разрывал пополам Толстого, хотя и сдѣлал это съ таким метафизическим глубокомыслием, что рѣдкій читатель поймет содержание одной половины и содержание другой.

К. Арабакинъ совершенно отрицает этот перелом. Проповѣдническая деятельность Толстого,—«не плод великих переломов». Еще двадцатилетним юношей Толстой наметил содержание своей будущей деятельности.

Такъ въ дневникъ отъ 5-го марта 1855 г. находимъ слѣдующія строки: «Разговоръ о божествѣ и вѣрѣ навелъ меня на великую громадную мысль, осуществленію которой я чувствую себя способнымъ посвятить жизнь, мысль эта—основаніе религіи, соответствующей развѣтлю человечества, религіи Христа, но очищенной отъ вѣры и таинственности, религіи нравственной, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство здѣсь на землѣ».

Развѣ это, въ самомъ дѣлѣ, не программа всего будущаго Толстого, какъ религіознаго мыслителя и реформатора?

Естественный ростъ мощнаго здороваго организма.

Но, отрицая специальный переломъ у Толстого, авторъ не отрицаетъ той обычной психологической перемѣны, которая происходитъ у людей въ средніе годы жизни, когда естественно сравнивается сумма дѣлъ съ суммой дѣлъ, когда основные вопросы жизни и духа становятся особенно острыми и требовательными.

И, разбирая это время жизни Толстого, авторъ дѣлаетъ оригинальное и мѣтное сравненіе великаго писателя съ Данте. Какъ и Данте по страшнымъ кругамъ ада, Толстой опускается къ самой глубь жизни, къ самымъ сокрытымъ тайнамъ собственной души, чтобы выйти оттуда въ свѣтъ и божеству.

Здѣсь авторъ останавливается на толстовскомъ толкованіи евангелія, основныхъ положеній его ученія, его идеаловъ и путей къ нимъ. Краткая отихъ путей приводитъ къ печальному утвержденію, что толстовскія ступени къ добродѣтели слишкомъ абсолютны, рывки, недоступны; онѣ отвергаются, именно постепенность, почти не даетъ практическихъ путей приближенія къ идеалу.

«Онъ думаетъ, пишетъ авторъ, что достаточно твердить о добрѣ и любви, чтобы люди усвоили эти идеалы во всей глубинѣ».

и широтѣ ихъ содержанія. Онъ забываетъ, что однихъ голыхъ утвержденій—добро, любовь—недостаточно для выясненія ихъ содержанія; что каждая эпоха вкладываетъ въ нихъ свой социальный смыслъ; что, напримѣръ, левинская правда, которой онъ искренно вѣрилъ, была только правдой порядочнаго помѣщика средней руки» (стр. 59).

Толстой въ своемъ этическомъ ученіи стоитъ на точкахъ зрѣнія абсолютнаго добра и абсолютнаго зла. Обмѣнъ большаго зла на меньшее онъ почти не хочетъ понимать.

Въ этомъ отношеніи, я думаю, Толстой весьма и весьма напоминаетъ Ибсенова «Бранда», не знавшаго середины между полнымъ дѣмъ и полнымъ нѣтъ.

Отмѣчая требовательность и рѣшительность ученія Толстого, авторъ не судить его, но только подчеркиваетъ, что оно не по силамъ человѣческой массѣ, что эта масса можетъ приближаться къ идеалу только путемъ медленной эволюціи политическихъ и экономическихъ формъ жизни.

Особенно интересны послѣднія главы статьи, говорящія объ анархизмѣ Толстого. Авторъ отмѣчаетъ въ немъ евангелическо-аристократическую окраску. Съ одной стороны—Толстой опирается на евангеліе, съ другой, можетъ быть, почти безсознательно онъ остается феодаломъ чистой крови, который знѣ земли и земельныя отношенія ничего анатъ не желаетъ. Анархизмъ Толстого не признаетъ города, не считается съ нимъ, не считается съ новыми экономическими формами, съ новыми социальными классами.

Я не могу подробно остановиться на этомъ мѣстѣ книги и только скажу, что оно цѣнно, такъ какъ именно съ точки зрѣнія анархизма Толстой слабо освѣщенъ, и въ этомъ отношеніи у насъ очень мало матеріала.

Трагедія жизни Толстого въ томъ, что онъ «проповѣдовалъ добро и не могъ не видѣть, что зло и насиліе росли въ послѣдніе годы его жизни. Онъ обращался съ проповѣдью къ цѣлому міру и не сумѣлъ создать сторонниковъ и послѣдователей даже среди родныхъ и друзей. Онъ былъ глубоко одинокъ. И любилъ, и любить его именно тѣ, кого онъ не признавалъ.

Онъ отвергъ русскую революцію, а ея адепты преклоняются передъ нимъ. Толстой проклинаетъ всю нашу либеральную интеллигенцію, а она благословляетъ его и благовѣстъ передъ нимъ; Толстой сурово осудилъ свою художественную дѣятельность, а мы восхищаемся ею. Толстой противъ рабочихъ организацій и классовой борьбы, но именно рабочіе несутъ свои гроши на организацію музея имени Толстого. Есть что-то отрадное въ томъ фактѣ, что общественное движеніе, отрицаемое Толстымъ, тяготеетъ съ благоговѣніемъ къ великому проповѣднику: очевидно, обѣ стороны близкасть живая сила добра, присущая и той и другой» (стр. 65).

Въ статьѣ «Любовь и бракъ въ современной литературѣ», вносящей свѣтъ въ недавнюю «полювую сумятицу» съ именами Санина и Вейншгера, интересно отмѣтить наблюденіе лектора надъ своей аудиторіей въ различныхъ городахъ: симпатій къ санинству молодежи не проявляла, напротивъ, привѣтствовала его разоблаченіе и развѣнчаніе.

Интересны статьи: «Гоголь, какъ драматургъ» и «Смерть Гоголя», въ которой авторъ подвергаетъ суровой критикѣ «Переписку съ друзьями», и въ короткомъ выводѣ говорить, что Гоголя погубила именно тѣ «мертвые души», которыя онъ такъ гениально живописалъ.

Много интереснаго матеріала въ статьѣ о Максимѣ Горькомъ, къ послѣднимъ произведеніямъ котораго критикъ относится рѣзко-стрипателью.

Необычайно тепло, красиво, и, я бы сказалъ, нѣжно написана статья о Чеховѣ:

«Чеховъ -- это наша любовь, это сама нѣжность, само изыщество. Это—красивая элегія, пропѣтая надъ русской жизнью, тихая скорбь, звучащая въ застывшей тишинѣ лѣтняго вечера; это—тоска по несбытшему счастью, безконечно трогательная жалость къ несчастному русскому обывателю: это—проявленіе въ самые интимные и сокровенные уголки чуткой души современнаго человѣка; это—снѣдая скорбь надъ умирающей жизнью, которая могла бы быть такъ прекрасна, полна возможностями, а между тѣмъ обречена на страданіе и неизбежное увяданіе».

Много оригинальныхъ мыслей и утвержденій въ заключительной характеристикѣ Чехова, какъ создателя новой драмы.

А. А. Станковичъ.